

РИЗҚАЛЛАХ ҲАССУН (1825—1880), ПЕРЕВОДЧИК БАСЕН КРЫЛОВА НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК

В Публичной библиотеке в Ленинграде имеется оригинальная арабская рукопись.¹ В инвентарь она занесена как „Четвероевангелие мельчайшего почерка“, но если развернуть большой лист, из которого она состоит, то с первого взгляда можно заметить только два слова „Александр Николаевич“ (= *السندّر نيقولا يويج*), выписанные крупными арабскими буквами во весь лист. Всмотревшись ближе, нетрудно увидеть, что буквы составлены из мельчайших арабских строчек, еле разбираемых простым глазом, и таким путем вписан полный текст всех четырех евангелий на арабском языке. К аналогичным опытам прибегали каллиграфы всех, кажется, стран: на нашей памяти еще открыты письма с полным текстом „Демона“ или „Евгения Онегина“, портреты Толстого, составленные из букв его произведений, и т. д.

На историю рукописи некоторый свет бросает выписанная внизу также каллиграфически, но крупными буквами следующая фраза по-арабски и русски:² „Господи, да свершится над великим государем Александром наших дней, сказанное Дарию Александром времен давно минувших: «как не светить двум солнцам с небосклона, так не владеть Азией двум царям»“. По всей вероятности, рукопись предназначалась для поднесения Александру II и представляет собою труд одного из тех наивных восточных политиков, которыми так богаты были 50—70-е годы прошлого века. Отчет Библиотеки за 1868 г.³ говорит, что рукопись поступила от Ризқаллаха Ҳассуна, и это имя проливает окончательный свет. Еще и теперь в арабских рукописях ленинградских собраний можно иногда найти требования с его подписью. Он каллиграфически копировал крупнейшие литературные произведения везде, куда его забрасывала судьба, и в Бейруте, например в библиотеке Университета св. Иосифа

¹ Арабск. 86 (прежний шифр П. 3. 23).

² Арабский текст таков: * *اَللّٰهُمَّ تَمِّمْ لِمَلِكِنَا اِسْكَندِرَ هَذَا الْاَوَّانِ مَا قَالَهُ لِدَارِيُوْسٍ * وَلَا فِي اَيِّمِيَا مَلِكَانِ * اَلَا هُوَ وَحَدُّهُ اِسْكَندِرُ مَا وُضِيَ الرَّيْمَانِ * لَا يَكُوْنُ فِي السَّمَاءِ شَمْسَانِ **

В русском переводе опущена последняя фраза: „Ведь он — один“.

³ Стр. 233.

можно видеть копию стихотворений ал-Ахтала,¹ снятую им артистически в 1867 г. с ленинградской рукописи бывшего Учебного отделения Министерства иностранных дел, которая долгое время считалась уникалом. Каллиграф и литератор, журналист и политический деятель — он занял свою полочку в истории новой арабской литературы и общественности, но как переводчик Крылова он и до сих пор не известен сколько-нибудь ближе даже специалистам.³ Русскому арабисту обрисовать эту сторону его деятельности легче европейских исследователей, хотя затяжной перерыв сношений с Востоком делает теперь почти неосуществимой полную характеристику.³

Детство Ҳассуна переносит нас в Алеппо — город, который был едва ли не крупнейшим культурным центром Сирии в первой половине XIX в. В Египте таким центром оставался Каир, где мечеть ал-Азхар, со своей школой, сохранила традиционную мусульманскую науку и литературу, а французская экспедиция и правление Мухаммеда 'Али, связав долину Нила с Европой, направили жизнь на новый путь. В Сирии этой эпохи Дамаск являлся самое большее слабым отражением ал-Азхара, Бейрут — тогда еще маленький приморский городок, уступавший даже Сидону и Акке, не играл никакой роли. Только после волнений 1860 года, с эмиграцией сюда большинства христианского населения из Дамаска, Бейрут занял первое место, остающееся за ним и по сейчас.^[35] До него экономическая и культурная гегемония принадлежала Алеппо. Старый торговый путь в Месопотамию и Индию еще не был заброшен благодаря Суэцкому каналу, большие европейские фактории, существовавшие здесь несколько веков, служили проводником европейского влияния. Создавалась своеобразная смешанная среда, в которой, благодаря большому количеству европейских экстерриториальных представителей, и местным христианам жилось быть может спокойнее, чем где бы то ни было в Сирии той эпохи, не исключая и Ливана. Литература среди христиан начинает здесь оживляться еще с XVII в. в кружке будущего патриарха

¹ *Diwān al-Aḥṭal*, publié par le P. A. Salhani, Beyrouth, 1891, стр. 1—2. О другой копии Ҳассуна (диван Эу-р-Руммы) там же см.: ИРАН, 1918, стр. 369—370.

² Я не нашел упоминаний о нем в специально посвященных переводам басен Крылова на иностранные языки статьях А. Ф. Бычкова и П. Д. Драганова (ЖМНП, 1895, июль, стр. 86, 91, 112).

³ Моим основным источником являются сочинения Ҳассуна, хотя далеко не все, к сожалению, они были у меня в руках, и беседы с ветеранами арабского движения 50—70-х годов в Сирии и Египте. Три ценных работы по истории новоарабской литературы, которые появились незадолго до войны, уделяют Ҳассуну несколько страниц (L. Cheikho. *La littérature arabe au XIX siècle*, II. Beyrouth, 1910, стр. 45—48; Ф. Таррази. *تاريخ الصحافة العربية*, I. Бейрут, 1913, стр. 105—110; II, стр. 247—248, 251; Дж. Зейдан. *تاريخ أدب اللغة العربية*, IV. Каир, 1914, стр. 273—274. Из европейских ученых краткие заметки ему посвятили Хартман и Хюар: M. Hartmann. *Das arabische Strophengedicht*, I, Al-Muwaššah. Weimar, 1897, стр. 78, 232; Cl. Huart. *Littérature arabe*². Paris, 1912, стр. 412. Ср.: С. Brockelmann. *GAL*, II, SB, стр. 757—758, № 11.

Макария, известного России по его путешествиям при Алексее Михайловиче. Воспринимая некоторые новые течения и охраняя старую традицию, эта литература вливается в общий поток возрождения XIX в., хотя и тогда Алеппо долго дает себя знать не смешивающейся струей.

Пестрая жизнь торгового, почти международного города вызывает другую черту в этой возрождающейся литературе, которая напоминает нам эпоху Багдада VIII—IX в. В Алеппо появляются, сталкиваются и живут самые разнообразные национальные элементы, но связующим звеном для них является арабский язык, как бы ассимилирующий всех приходящих с ним в соприкосновение, как в IX в., так и в XIX. Своих деятелей новая арабская литература вербует из всех народностей: и турки, и курды, и арамейцы-сирийцы — все подчиняются ее влиянию. Попадают в общее течение и армяне, которых забрасывает в северную Сирию торговля.

Из такого армянского рода, обосновавшегося в Алеппо, и происходил Ризқаллāх Ҳассўн, родившийся здесь в 1825 г. Отец его был, конечно, коммерсант и занимал почетный на Востоке пост драгомана австрийского консульства. Зная общие условия того времени, нетрудно предугадать, что Ҳассўн получил духовное образование. Школы, содержащиеся преимущественно различными европейскими миссиями, сосредоточивались в эту эпоху на Ливане. У армян-католиков существовало нечто вроде семинарии в монастыре Бзуммар в ливанской области Кесраван, где одно время была даже резиденция армяно-католического патриарха. О ходе преподавания в этой семинарии у нас данных нет, но параллельные примеры с определенностью говорят, что оно сводилось почти исключительно к богословским предметам и новым языкам. Как и большинство левантинцев, Ҳассўн вырос практиком-полиглотом. Детство, проведенное в Алеппо, сделало для него одинаково родными три языка: армянский, арабский и турецкий; в школе он ознакомился с французским и, вероятно, итальянским, который в эту пору продолжал еще поддерживаться в Сирии по традиции старых связей с Венецией и Генуей; школа жизни научила его еще английскому и русскому. Уже в годы учения обнаружились в Ҳассўне те свойства, которые отличали его всю жизнь: каллиграфический талант и дар поэта. Тринадцати лет он сочинил (конечно, на арабском языке) торжественную оду в честь посетившего Бзуммар недавно рукоположенного армянского епископа.

Пребывание Ҳассўна на родине после семинарии занято помощью отцу в его торговых и драгоманских делах. Мало-помалу он входит в кружок алеппских литературных деятелей, которые в это время группируются главным образом около талантливых семей Марраш и Даллāл, давших немало видных представителей новой арабской литературе. Сношения с ними Ҳассўн поддерживает всю свою жизнь, хотя скитания скоро увлекают его из Алеппо, куда он больше не возвращается на сколько-нибудь долгий срок.

Скитания эти начинаются сперва добровольно. Большое состояние и торговые предприятия позволяют Ҳассўну побывать в Лондоне, Париже и Египте. Во второй половине 40-х годов мы застаем его в Константинополе, и в этом периоде жизни, захватывающем почти двадцать лет, торговля начинает отступать на задний план. Интенсивнее сказываются литературные интересы, а обстоятельства все более и более вовлекают в общественно-политическую деятельность. И в столице Турции к этому времени создается небольшая арабская колония. В эти годы в Константинополе оказывается поэт-ветеран Бутрус Керāме (1774—1851), придворный стихотворец знаменитого ливанского эмира Бешйра; он не захотел покинуть своего мецената после лишения власти и сопровождал его в изгнание сначала на Мальту, а затем и в Стамбул. О дружбе его с Ҳассўном говорят стихи на свадьбу последнего в 1848 г. Переписка с литературными друзьями и знакомыми принимает теперь более широкий и систематический характер. Наиболее регулярными корреспондентами из прежних алеппских друзей являются теперь престарелый поэт-библиофил Насраллāх Трабулусй (ум. в 40-х годах) и юный еще Франсис Марраш (1836—1873), который внес в новую арабскую литературу сильную струю глубокого пессимизма, напоминая своими произведениями близкого земляка поэта XI в. Абў-л-Алā из Ма'арры. С братом Марраша Ҳассўну пришлось еще работать впоследствии в Англии.

Важным толчком в литературной деятельности Ҳассўна оказалась Крымская война 1854—1855 гг. Желание познакомиться своих соотечественников с ее перипетиями подало ему мысль основать арабскую газету: она стала выходить в 1854 г. под названием „Зерцало состояний“.¹ Арабская журналистика в эту эпоху была делом совершенно новым, и Ҳассўн явился в полном смысле слова пионером. Единственным периодическим изданием на арабском языке в это время оставался официальный орган египетского правительства „Египетские события“,² печатавшийся с 1828 г.; уже тремя годами позже листка Ҳассўна, в 1858 г., появился официоз и в Сирии в виде „Сада вестей“.³ Создали журнальный стиль и поставили арабскую прессу на должную высоту только разнородные издания Бутруса ал-Бустāнй и его сына Селйма, которые относятся уже к 60—70-м годам. Таким образом, газета Ҳассўна, помимо того, что была первым арабским периодическим изданием в Стамбуле, явилась первым неофициальным изданием даже во всем арабском мире. По своему типу газета носила чисто информационный характер, и можно отметить только одну ее черту, интересную для эволюции взглядов Ҳассўна: в ней еще нет никаких следов того руссофильства, кото-

¹ Арабск.: *مرآة الأحوال*.

² Арабск.: *الوقائع المصرية*.

³ Арабск.: *حديثة الأخبار*.

рое проходит красною нитью через всю позднейшую его деятельность и отразилось в упоминавшейся рукописи евангелий.

Пребывание в Стамбуле близко сталкивает Хассуна с двумя лицами, с которыми остается связанной вся его дальнейшая жизнь в том или ином отношении, Первое — Фу'ад паша (1815—1869), министр иностранных дел во время Крымской войны, неоднократно исполнявший различные государственные поручения как при европейских дворах, так и внутри Турции.¹ В 1860 г. после известной дамасской резни, вызвавшей вмешательство европейских держав, он был послан чрезвычайным комиссаром в Сирию для расследования обстоятельств событий. Он взял с собой Хассуна в роли секретаря для перевода на арабский язык его декретов и объявлений. Пребыванием в Дамаске Хассун сумел также воспользоваться для поисков рукописей и знакомства с литературными знаменитостями. Среди последних выдающееся место занимал Абд ал-Кафир Алжирский, известный Европе по борьбе с французами. Он жил в Дамаске с 1855 г. и привлек к себе еще раз внимание европейцев рыцарской защитой христиан во время дамасской резни. Фигура эмира запечатлелась в памяти Хассуна, и впоследствии он посвятил ему один сборник своих стихотворений.

По возвращении в Константинополь Фу'ад паша был назначен в 1861 г. великим везиром и предоставил Хассуну место инспектора табачной таможни, оказавшееся для него роковым. Еще в следующем году он имел возможность посетить Лондонскую выставку как секретарь того же Фу'ада паши, командированного туда в роли представителя турецкого правительства. Но вскоре по возвращении из Лондона Хассун был арестован в связи с злоупотреблениями в его ведомстве и, спасая свою жизнь, бежал за границу в Россию. Семья его осталась в Константинополе, и в Турцию он уже больше не возвращался.

История с арестом Хассуна достаточно темна до сих пор. Растраты должностных лиц в Турецкой империи далеко не такое необычное явление, чтобы за них платиться жизнью. Можно предполагать, что это обвинение было только фиктивным поводом, а причиной являлась все яснее выступавшая политическая неблагонадежность. Близкая дружба с представителями партии реформ — упомянутым уже Фу'адом пашой и знаменитым Мидхатом, лидером младотурецкого движения, налагала некоторую тень; принадлежность ко всегда находящемуся под подозрением арабскому элементу еще более ее сгущала. Как раз около этого времени начал свою деятельность в Константинополе литературный и политический противник Хассуна, имя которого связано с его дальнейшей биографией еще больше, чем Фу'ада паши. Быть может именно он

¹ ЕІ, II, стр. 122—123. Общую характеристику личности и деятельности дал недавно Лямменс в своей новой работе: Н. Lammen's. La Syrie, II. Beyrouth, 1921, стр. 184—186.

был невольным (если не вольным) виновником злоключений, постигших Хассуна.

Ахмед Фарис аш-Шидйак (1804—1887), один из „столпов“ и основателей новоарабской литературы, еще до Стамбула прошел пеструю жизненную школу. По происхождению ливанский маронит, он побывал в Египте и уже протестантом оказался на Мальте, где помогал американским миссионерам готовить перевод Библии на арабский язык. Миссионеры познакомили его с Англией и Францией, но скоро он оказался советником и придворным поэтом у тунисского бея, уже приняв мусульманство. В конце 50-х годов аш-Шидйак появляется в Константинополе и при содействии правительства в 1860 г. выпускает свою арабскую газету-журнал „Новости“,¹ которая быстро приобрела мировую, в буквальном смысле, известность. Двадцать с лишним лет она была лидером всего мусульманского мира; к ней прислушивалась и европейская пресса, считая газету не без основания официозом турецкого правительства. Несомненно даровитый писатель, широко образованный не только в арабском смысле, аш-Шидйак, повидимому, не дорожил никакими принципами, но умел талантливо защищать то, что в данный момент представлялось ему нужным. Беспринципность давала ему особенно острое оружие в сатире, и его язвительные, часто грубые стрелы не щадили противника, если таковой осмеливался держаться другого мнения. На почве идеологии у него с Хассуном неминуемо должна была начаться борьба, вспыхнувшая теперь, но кончившаяся только со смертью Хассуна. Аш-Шидйак себя и свой орган выставил проводником панисламской идеи: объединения всего мусульманского мира под главенством турецкого султана со слиянием всех национальностей в едином государстве. У Хассуна национальная идея, поскольку это касалось арабов, выступала на первый план. Он чувствовал себя не только арабом, но и сознательным христианином; уже два эти обстоятельства заставляли его энергично восстать против идеи аш-Шидйака. Чем дальше, тем меньше он думал о турках; что касается арабов, одно было для него несомненно — их культурное возрождение возможно только с избавлением от турецкой верховной власти. Способны ли арабы к самостоятельному существованию — на это Хассун едва ли смог бы ответить утвердительно; временный паллиатив он видел в протекторате или вернее протекторатах, а при мысли о Сирии его взгляды все определеннее начинали устремляться на север. Для Константинополя такая идеология, хотя бы еще и в смутных очертаниях, должна была казаться опасной, и, может быть, в этом и коренилась внутренняя причина и бегства и ареста.

О пребывании Хассуна в России у нас нет определенных данных: можно строить только некоторые предположения, и на них придется

¹ Арабск.: الجوائب.

остановиться, когда будет речь о переводе басен Крылова. Его постоянным местопребыванием скоро делается Англия, где он проводит почти 15 лет в небольшом местечке (Уондсворт) около Лондона. В 1867 г. он едет во Францию, чтобы повидаться с находящимся там Фу'адом пашой, который через два года кончает свои дни в Ницце в почетной опале. На родине Хассуна ходит легенда о том, что лет за 7 до смерти он побывал инкогнито в Алеппо в поисках рукописей, копируя наиболее интересные. Такая же легенда окружала и его смерть: раздраженный нападками Хассуна султан Абд ал-Хамид через одного из агентов отравил его в 1880 г. Едва ли это имеет особые основания, если верить его современникам: Хассун умер скоропостижно, но приближение смерти чувствовал, как об этом говорит сочиненная им самим эпитафия:¹

Судил бог умереть мне на чужбине, в стране, куда я изгнан против воли.
А в сердце у меня сокровенные мысли, на которые ниспослан стих
о покрывале.²

Время переселения Хассуна в Англию совпадает с пребыванием здесь Герцена, но каких-либо следов знакомства его с герценовским кружком или воздействия его идей мы не замечаем. Хассун вращался, повидимому, исключительно в турецко-арабской среде, а идеи издателя „Колокола“ оставались ему чуждыми до самой смерти.

За время пребывания в Англии Хассун особенно интенсивно развила свою журнальную и печатную деятельность. Около четырех газет в разное время издавалось им в Лондоне; он не остановился даже перед устройством своей типографии, для которой сам отливал шрифт по своим собственным образцам. Другие газеты собственноручно переписывались им для литографии и, как всегда у него, могут служить образчиком каллиграфического искусства. При помощи своих друзей несколько сборников в это же самое время он отпечатал в Бейруте, и, наконец, к этому периоду относятся несколько произведений, оставшихся в рукописи.

Газеты его часто бывали эфемерны, часто носили характер простых памфлетов, но всегда приобретали большую популярность и являются одним из крупных фактов в арабской политической прессе. Основные лозунги их: борьба за самостоятельность арабов, яркое руссофильство и такая же яркая ненависть к аш-Шидйяку, выражающаяся часто в простой неприкрашенной брани, которую нам даже странно видеть в печатной форме. Первый его листок, выпущенный в Лондоне

¹ Арабский текст:

قَدَّرَ اللهُ أَنْ أَمُوتَ غَرِيبًا * فِي بِلَادِ أَسَاقِ كَرِهَهَا إِلَيْهَا
وَبِنَفْسِ مَخْذَرَاتِ مَسْعَانَ * نَزَلَتْ آيَةُ الْحِجَابِ عَلَيْهَا

² Намек на стих Корана 23, 53, рекомендующий покрывало для женщин. Смерть налагает завесу на оставшиеся невысказанными мысли.

в 1868 г., не скрывал этой основной цели в самом заглавии: „Камни и лед Фарису аш-Шидйяку“.¹ Можно было думать, что здесь сказывается острота первых впечатлений человека, лишенного родины и с ненавистью вспоминающего своих врагов, но эта злоба оставалась неугасимой до конца и под влиянием внешних толчков опять и опять вспыхивала ярким пламенем.

В начале 70-х годов Хассун основывает собственную арабскую типографию, конечно в миниатюрных размерах, под названием „Род Сима“² и под тем же названием выпускает в 1872 г. другую газету тоже небольшого размера, в которой уже не сдерживает своего руссофильства. Особенная популярность выпадает на долю третьего издания, начавшего выходить в Лондоне с 1876 г. под таким же названием „Зерцало состояний“, как и первый его орган еще в Константинополе за 20 с лишним лет до этого. В своих предшествующих изданиях Хассун, как и многие арабские журналисты даже наших дней, был и единственным сотрудником, и редактором, нередко наборщиком и корректором. Здесь он впервые постарался привлечь и другие литературные силы, главным образом из среды своих алеппских друзей, живших в Европе. Одно время таким помощником явился Джибра'ил Даллал (1836—1892); длительнее было сотрудничество Абдаллаха Марраша (1839—1900), управлявшего тогда одной торговой фирмой в Манчестере. Тем не менее и его участие не могло упрочиться: резкий и нетерпимый характер Хассуна плохо подходил к совместной работе. Скоро он опять остался основным деятелем в своем издании. „Зерцало состояний“ явилось апогеем его журнальной работы: о популярности ясно говорит то, что в одном Лондоне расходилось около 450 экземпляров — цифра при незначительности арабской колонии более чем показательная. Борьба с аш-Шидйяком и его „Новостями“ оказывалась Хассуну, однако, не под силу: орган последнего пользовался поддержкой турецкого правительства. Хассун был предоставлен своим собственным силам и небольшому кругу единомышленников, где он не всегда встречал сочувствие за резкие выходы. Типография должна прекратить свою деятельность, и следующее издание „Решение вопросов восточного и египетского“³ Хассун выпускает уже опять в литографированном виде небольшими тетрадиками, оправдываясь перед читателями недостатком средств. Издание — опять периодическое, выходит начиная с 1879 г. два раза в месяц и целиком написано в стихах. Особенно всколыхнуло Хассуна взятие Карса русскими войсками в 1878 г., опять полетели ядовитые сатиры и в Бейрут, и в Тунис по адресу коменданта крепости Мухтара паши Газй, но все это уже оказалось последней вспышкой: на этом издании, составившем томик около 300 страниц, Хассун кончил свою жизнь.

¹ Арабск.: رجوع وغساق إلى فارس الشديدياق.

² Арабск.: آل سيم.

³ Арабск.: محل المسائلتين الشرقية والمصرية.

60-е и 70-е годы позволили Хассуну с переселением в Англию опубликовать ряд произведений не только газетного типа. Его брошюра, выпущенная сейчас же после бегства из Турции, с оправданием во взводимых на него обвинениях, почти всем известна теперь только по названию.¹ Однако уже в 1867 г. он напечатал в Лондоне интересный нас² ближайшим образом сборник „Дыхания“,² в который включил басни Крылова. В 1870 году в Бейруте типография американского колледжа выпускает второй его сборник „Самая поэтичная поэзия“³ — стихотворный перевод-переложение ряда библейских книг: Иова, Песни песней, Экклезиаста и плача Иеремиина. В предисловии он поясняет заглавие, заявляя, что первыми поэтами в мире являются автор книги Иова, Гомер и Шекспир. Интерес Хассуна к духовной литературе сказывается и в других работах: около этого времени в Бейруте же выходит его книга „Господняя жизнь“⁴ — нечто вроде диатессарона, сводки четырех евангелий. Занятия арабскими классиками выражались у Хассуна главным образом в копировании выдающихся произведений. Только одно из них издано им в собственной типографии в 1872 г.: собрание стихотворений доисламского поэта Хатима ат-Та'й. Издание, конечно, не критическое: выполнено оно по одной рукописи Британского музея и с выходом в 1897 г. второго европейского издания⁵ утратило свое значение. Оно интересно, однако, и до наших дней как один из хороших образцов каллиграфического и типографского искусства Хассуна.

Не все его произведения увидели свет. Существуют упоминания о сохранившейся в рукописи работе „Арабское печатание“,⁶ о каком-то полемическом трактате с мало говорящим заглавием „Снятие покрывала“,⁷ который относится к 1859 г. Уже в 1901 г. в Бразилии в Сан-Паоло был напечатан сборник его стихов „Подобренные“,⁸ крайне характерный для всего его творчества и общественно-политического облика. Пять больших пьес, иногда построенных по форме известных всему мусульманскому миру од панегриста пророка Ка'ба ибн Зухайра или скептика-резонера ат-Тугра'й, представляют злейшую полемику с исламом и как религией и как политической силой. Тон их таков, что едва ли благопристойность позволила бы перевести хоть одну пьесу

¹ Арабск. заглавие: قول من رزق الله حسون يبرئ نفسه من الغلول.

² Арабск. النفثات. О значении заглавия еще будет речь ниже.

³ Арабск.: اشعر الشعير.

⁴ Арабск.: السيرة السيدية. Бейрут, 1870, стр. 170.

⁵ F. Schulthess. Der Dîwân des arabischen Dichtern Hâtim Teu nebst Fragmenten. Leipzig, 1897.

⁶ Арабск.: الطباعة العربیة.

⁷ Арабск.: حسر النشام.

⁸ Перевод заглавия: المشمرات достаточно затруднителен: повидимому, оно дано по образцу сборника المعثقات 'подвешенные'.

полностью. В стихотворения вкраплены воспоминания о дамасских событиях 60-х годов, призыв против турецкого владычества, неизбежные выходки против султана, аш-Шидйақа, дамасских евреев и т. п. Заканчивается сборник стихами на взятие Карса и полемикой с тунисцами. Опубликован он анонимно без указания города и типографии; это не удивительно, так как едва ли и в XX в. могла бы уцелеть от мести мусульман та типография, которая открыто напечатала бы подобное произведение.

Характерен для всего облика Хассуна и тот сборник, который нас ближайшим образом интересует. Ядовитым каламбуром встретил его появление аш-Шидйақ — каламбуром, вся злостная соль которого понятна только в арабской форме: „Был Хассун вором, сказал он, и были за ним кражи: стал он ехидной, и у него теперь ядовитая слюна“.¹ Ярость аш-Шидйақа понятна: сборник заканчивался (стр. 80—83) очередной выходкой, которая у нас, с одной стороны, вызывает улыбку своим детским характером, а с другой — полное недоумение, каким образом серьезные писатели могли тратить свою энергию и печатное слово на такие затеи. Взяв несколько стихов Корана, выбранных тоже с несколько злым умыслом из мест, касающихся брачных отношений,² Хассун показал, что из тех же 168 букв, составляющих фразы Корана, в иной их комбинации получается ряд ругательств по адресу аш-Шидйақа, не лестных для его нравственного облика.

Если отбросить эту диссонирующую в нашем восприятии выходку, то сборник дает очень хороший материал для характеристики поэтического дарования Хассуна и некоторых черт биографии. Основную часть его (стр. 5—69) составляет перевод басен Крылова, о котором нам придется говорить подробнее, и сверх него включен ряд стихотворений, относящихся уже ко времени после бегства из Константинополя и скитаний на чужбине. Под свежим впечатлением 1860 г. сборник посвящен Абд ал-Қадиру и его же прославлением заканчивается большая ода с описанием путешествия автора через Кавказ (стр. 71—73). О не полном еще разрыве с турецким правительством говорят две хронограммы (стр. 70) на праздник воцарения султана Абд ал-Азйза в 1861 г. Два послания к султану из тюрьмы (стр. 78—80) указывают на попытку мирного выхода из положения, ставшего гранью в жизни Хассуна. Счастливые времена вспоминает послание к бейрутским друзьям (стр. 75—77) с грустным оправданием своего бегства: „Ведь всякое достояние можно добыть опять, кроме жизни человеческой, а теперь — только терпение прекрасно“. В Константинополе он должен был

¹ Арабский текст: كان حسون لصاً وله سمقات فأصبح صلاً وله النفثات (игра слов между لصف 'вор' и صلاً 'ехидна' с намеком на название сборника „ан-Нафасат — собств. 'ядовитые плевки, дыхание').

² Сүра 23,1—7.

оставить свою семью, и маленькому сыну Альберту посвящены (стр. 77—78) два стихотворения, проникнутые нежным чувством, как-то непривычным в устах язвительного Хассуна. Новые страны выступают здесь на первый план: стихи о Кавказе, России (стр. 74—75) и Англии (стр. 83—84) с их наивным восхищением говорят о том, что жизненная энергия ищет себе выхода уже в мыслях о будущем. Во всех этих произведениях одинаково сказываются свойства поэтического таланта Хассуна, которые встретят нас и в баснях. Сила их не в языке. Язык — обычный, литературный, как у всех писателей XIX в., далекий от разговорного, питающийся преимущественно соками книги, а не жизни. Владеет им Хассун не всегда безукоризненно: редкие выражения, часто натянутые конструкции говорят о том, что иногда язык приходится приносить в жертву метру и рифме. Этот недостаток ослабляется, а иногда почти исчезает, когда Хассун берет ту форму, в которой он большой мастер, именно, строфическую — сравнительно новое достояние арабской поэзии. Здесь его язык и приемы как-то сразу оказываются естественнее, все течение делается более плавным и певучим, иногда переходя в романс, который просит музыки. И хорошим образчиком этого может служить послание к бейрутским друзьям.

В двух произведениях, посвященных России, сохранена традиционно-литературная форма, и поэтому интерес их сосредоточивается преимущественно на сюжете. Из Константинополя Хассун попал сперва, по видимому, на Кавказ, и путешествие из Поты по Риону было первым впечатлением. Сила его увеличивалась воспоминанием о том, что, по выражению поэта, „земля грузин и армян — моя родина, до переселения отца моего в другую“. Величественная природа заставляет Хассуна забыть даже про красоту его второй родины. С родами Кавказа не сравнится ни дамаской Гуте, ни каирской Шубре, не заслуживает упоминания ни сам Дамаск, ни его река Барада. Ничего подобного красоте Тифлиса поэт не видал, вкуснее кахетинского вина ему не приходилось пить. К сожалению, в большинстве этих отзывов приходится видеть не столько отражение действительного впечатления, сколько простой литературный шаблон или прием. Арабский поэт — безразлично, древний или новый — никогда не упустит случая воспользоваться аналогичными сравнениями, воспевая тот предмет, который в данный момент служит объектом его стихов.

Этого свойства нельзя упускать из виду при чтении другого большого стихотворения под названием „Россия“ (стр. 74—75), тоже посвященного впечатлению от путешествия. Построено оно на противоположении между Востоком и Россией. Во время своих скитаний поэт видел только разрушенные города, несправедливость правителей и вечное рабство перед тиранами. Вся его горечь рассеялась, когда он попал в Россию, и мы с улыбкой читаем наивные фразы о том, что мельчайшая деревушка здесь похожа на Антиохию, что все живут в полной

безопасности, избавленные от страха и боязни; грабежи на дорогах немислимы — они такие же сказки, как те, что по вечерам рассказывают про ведьм; о тирании наместников и правителей известно русским только со слов китайцев, афганцев или татар. При виде России сердце поэта возрадовалось, и он даже благодарит судьбу за постигшее его несчастье; вспоминая свою родину, он опять плачет кровью. Вспомнив хотя бы отражение русской действительности того времени в нашей литературе, его отзывы придется принимать с большим скептицизмом. В лучшем случае они — результат плохого знакомства иностранца с новой для него страной, в худшем — литературный трафарет, как мы видели и на предшествующем стихотворении, или, наконец, политический прием. Нельзя забывать, что политика составляла один из наиболее жизненных импульсов в деятельности Хассуна.

Нам не известны причины, побудившие его бежать в Россию. Обычно арабская эмиграция — и политическая и экономическая — направлялась в Западную Европу, особенно во Францию и Англию. С Россией связь у арабов всегда была слабой; в экономической области она ограничивалась одной Одессой, где среди представителей торговых фирм иногда оказывались и уроженцы Сирии или Палестины. Сильнее была связь религиозная, она сказывалась довольно часто в появлении православных арабов в русских духовных учебных заведениях на юге России, в обеих столицах или Казани. Для Хассуна оба этих соображения роли играть не могли, особенно в его положении. Еще труднее гадать о тех обстоятельствах, при которых Хассун мог заинтересоваться именно Крыловым. Только одно побочное соображение может останавливать здесь внимание, особенно ввиду того, что оно объединяет случайно оба момента: и переезд в Россию, и басни Крылова.

К началу 60-х годов в России уже давно жил земляк и современник Хассуна Абдаллах Келзи (род. в 1819 г.), приехавший сюда еще юношей в 1837 г. Ставши впоследствии Федором Ивановичем Келзи, он был лектором арабского языка в С.-Петербургском университете (1856—1881) и умер в отставке в очень преклонных летах в 1912 г.¹ Помимо того, что он был родом из Алеппо, по вероисповеданию он, как и Хассун, принадлежал к армяно-католикам. Зная про силу религиозной связи у арабов, кажется, прямо пропорциональной числу мелких религиозных разветвлений, можно предполагать, что пребывание Келзи послужило побочным толчком к появлению Хассуна в России. Это предположение несколько усиливает и следующий факт относительно Крылова. В качестве пособия для своих лекторских занятий Келзи в 1863 г. издал „Русско-арабские общественные разговоры“,

¹ В „Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования (1869—1884)“ (I, СПб., 1896, стр. 306) его смерть по недоразумению отнесена до 1896 г.

в приложении к которым напечатал с русским текстом подстрочный перевод десяти басен Крылова.¹ Арабам это произведение, конечно, осталось неизвестным, но Хассун, попавший в Россию, легко мог с ним познакомиться, особенно если он лично знал Келзй, что почти несомненно. Нужно сразу оговориться, что характер перевода у Келзй и Хассуна совершенно различны — у первого почти буквальный, у второго не только литературный, но и стихотворный. Кроме того, басни, переведенные первым, у второго, за двумя исключениями, не повторяются, так что прямого заимствования здесь видеть нельзя. Если, однако, принять во внимание все четыре обстоятельства, объединяющие Келзй и Хассуна: их происхождение из одного города, религию, пребывание в России и интерес к Крылову, то весь комплекс дает возможность предполагать некоторую связь.

Хассун перевел 41 басню Крылова:² „Орел и Паук“, „Соловей и Осел“, „Компания четырех товарищей“ („Квартет“), „Муха и Пчела“, „Бритвы“, „Сова и Петух“ („Кукушка и Петух“), „Похлебка“ („Демьянова уха“), „Змея“ („Крестьянин и Змея“), „Клеветник и Змея“, „Бочка“, „Свинья“, „Крестьянин и Гуси“ („Гуси“), „Воспитание Львенка (Льва)“, „Зеркало и Обезьяна“, „Волки и Овцы“, „Мор зверей“, „Золотая монета“ („Червонец“), „Гребень“, „Лисица и Сурок“, „Прохожие и Собаки“, „Всадник и Конь“, „Слон (и Моська)“, „Садовник и Осел“ („Осел и Мужик“), „Раздел“, „Мыши“, „Обезьяна и Очки“, „Повар и Кот“, „Две бочки“, „Мышь и Крыса“, „Волк и Пастухи“, „Львиная охота“ („Лев на ловле“), „Чиж и Голубь“, „Волк и Соловей (Кукушка)“, „Туча“, „Ворона и Лисица“, „Щука и Кот“, „Обезьяна“, „Червяк и Юноша“ („Мальчик и Червяк“), „Старуха (Госпожа) и две служанки“, „Подозрение“ („Напраслина“), „Плащ Зейда“ („Тришкин кафтан“). Уже в самых названиях чувствуются его приемы перевода и те трудности, которые иногда приходится встречать и в самом тексте. Непонятно нам, почему переводчик прибегал иногда к перестановке слов в заглавиях („Соловей и Осел“, „Всадник и Конь“, „Повар и Кот“) или сокращению их („Змея“ вм. „Крестьянин и змея“, „Слон“ вм. „Слон и Моська“). Иногда, наоборот, заглавия расширялись („Крестьянин и Гуси“ вм. „Гуси“). Понятно, что в известных случаях слова не воспринимались духом арабского языка и приходилось их заменять другими: появлялось вм. „Квартета“ — „Компания четырех товарищей“, вм. „Демьяновой ухи“ — „Похлебка“, вм. „Червонец“ — „Золотая монета“, вм. „Мартышка и Очки“ — „Обезьяна и Очки“, вм. „Тришкина кафтана“ — „Плащ Зейда“. Случается, что причина такой замены нам не вполне ясна („Воспита-

¹ Более подробные сведения об этом переводе мною даны в заметке „Арабские переводы басен Крылова“ (Библиографические листы Русского Библиологического общества, лист 1, 1922, январь, стр. 6—8).

² Заглавия привожу в переводе с арабского, указывая при расхождении с оригиналом заглавия Крылова в скобках.

ние Львенка“ вм. „Льва“, „Садовник и Осел“ вм. „Осел и Мужик“); иногда это, вероятно, объясняется прямым недоразумением или невозможностью выразить слово „кукушка“ („Сова и Петух“ вм. „Кукушка и Петух“ или „Волк и Соловей“ вм. „Волк и Кукушка“).

В самом тексте басен обыкновенно мы встречаем те же приемы, иногда вызванные прямой необходимостью с арабской точки зрения. Здесь не Климыч кивает на Петра, а Бекр на Омара („Зеркало и Обезьяна“), чистится не червонец, а дейлемский динар, повар читает наставление не Ваське, а Бамбулю („Кот и Повар“), моська получает кличку Канбура („Слон и Моська“), вспоминаются такие места, едва ли приходившие в голову Крылову, как Джиллик („Бочка“) или Самарканд и Андалус („Раздел“). При буквальном переводе с арабского русский любитель Крылова, вероятно, немало бы удивился, усмотрев такие много говорящие арабу имена, как Джухейна („Гуси“), Лукман („Воспитание Льва“), Сухейл („Слон и Моська“), Хосрой и Дарий („Волк и Кукушка“), Лейла и Амир („Напраслина“). Менее уместным кажется нам, когда празднество в аду („Клеветник и Змея“) устраивается в память Нерона, Иуды или Наполеона, которых Крылов не поминал.

По этим деталям перевода можно судить о его характере. Хотя в общем он не представляет переработки, а сохраняет тип перевода, но перевод этот местами достаточно далеко отходит от оригинала. Основное его свойство — общая растянутость и чрезмерная приглаженность в смысле подведения под уровень средней литературности с арабской точки зрения. Шаблоны, выработанные веками, всегда готовы. Намеки на Коран привлекаются Хассуном часто, не реже, чем стихи классических арабских поэтов. Произведение благодаря этому, конечно, утрачивает своеобразный русский тип. Все же, если мы вспомним развитие басни с такими этапами, как Эзоп, Лафонтен и Крылов, то едва ли за эти приемы можно осудить Хассуна очень строго. Если бы благодаря ему в новоарабской литературе появилась национальная басня, то его отношение к Крылову было бы признано не более противозаконным, чем последнего к Лафонтену.

Несколько строже его приходится судить за отступление от крыловской стихотворной формы, хотя многое здесь объясняется свойствами арабского языка. Вместо легкого, своеобразного и неистощимого крыловского размера Хассун прибегает к троякой системе. Громадное большинство басен (30) переведено в обычном стиле арабских больших произведений с рифмой, проходящей через все произведения по четным полустишиям. Привычная для арабского языка форма не может не действовать несколько однообразно, особенно при сравнении с оригиналом, и эти переводы являются наименее удачными в смысле воспроизведения духа подлинника. Удовлетворительнее немногие басни, переведенные рифмованной прозой (4), и значительно лучше те, в которых Хассун пользовался сравнительно хорошо удававшейся строфической фор-

мой (7). Эта форма, называемая по-арабски „опоясанной“ (*ал-мувашишах*), представляет собой приобретение уже послеклассической арабской поэзии. В своем движении из арабской Испании на восток она несколько раскрепостила поэзию от ложноклассицизма, правда только в отношении стиха, а не языка. Значительно большая свобода рифмы, возможность разбить произведение на разнообразные группы стихов — все это было очень благодарным элементом при трактовке такого жанра, как басня.

И если при всем том попытку Хассуна в переводе басен Крылова надо считать неудавшейся, то главную причину такой неудачи надо видеть в его языке. В этом языке совершенно не чувствуется той „были“, которую не забудут, „пока по-русски говорят“, про которую один современник Крылова пророчески выразился:

„Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердят“.

В обработке Хассуна мы получаем обычное литературное произведение кабинетного типа все на том же литературном языке, на котором он писал свои передовые статьи или политические обзоры и на котором никогда не говорил. Живой диалог теряет свою непринужденность, острая сентенция превращается в мертвенную дидактику, и, наконец, все это непонятно читателю без основательной школьной выучки. Над Крыловым современники остряли, что он вывел басню из дворца на площадь — это было верно и в этом оказалась ее неумирающая сила; у Хассуна басня осталась попрежнему только в кабинете литератора или вернее даже исключительно на бумаге. Только передача ее таким же обыденным разговорным языком жизни, какой звучал в оригинале, могла бы составить эпоху в арабской литературе. Для Хассуна эта мысль была чужда, и лишь на рубеже XX в. некоторые арабские литераторы начали ее ощущать, пользуясь иногда в своих произведениях не литературным, а разговорным языком одного из диалектов.

Деятельность переводчика басен Крылова не прошла бесследно для арабской жизни, но с Крыловым арабов он не познакомил. Если труд Келзй мало кому известен за пределами России, то не многим лучшая судьба постигла и перевод Хассуна. Напечатанный в Лондоне, в издании, которое попало в index турецкой цензуры, он не мог даже проникать легально в арабские страны и сделался известен только любителям-библиографам. Теперь басня, как литературный жанр, хорошо знакома арабам, но этим она, к сожалению, обязана не Крылову и Хассуну, а Лафонтену и Мухаммеду Джаллалу (1829—1898), обработка которого получила завидную популярность в школах и у всего грамотного населения.

СУЛЕЙМАН АЛ-БУСТАНИ

(1856—1925)

I

Первого июня 1925 г. умер в Нью-Йорке Сулейман ал-Бустани. Имя это много говорит современным арабам. Член знаменитого рода, представители которого неразрывно связаны с арабским литературным возрождением в XIX в., сотрудник первых арабских журналов в Сирии 70-х годов, редактор первого и единственного арабского энциклопедического словаря, публицист, наконец переводчик „Илиады“, — он почти полвека в разные периоды обращал на себя взоры всего арабского мира. С начала 900-х годов деятельность его вышла за пределы родного народа: он был депутатом в первом турецком парламенте после конституции 1908 г., потом сенатором и министром торговли и земледелия. Не удивительно, что его смерть всколыхнула не только родину ал-Бустани, но весь арабский мир; для новой Турции он стал уже чужим человеком.

Со сцены активной деятельности он сошел раньше, еще в 1914 г., вслед за вступлением Турции в мировую войну. С этого времени он был не у дел, жил в Швейцарии, Египте, Америке. Самый отход его очень знаменателен и едва ли случаен. Конечно, болезнь на ряд лет приковала ал-Бустани к ложу, но едва ли это было единственной причиной, заставившей эти кипучую, деятельную натуру остаться в стороне от исторического движения. С началом мировой войны и распадом Турции великий перелом обозначился в жизни и литературе арабов. Корни его были, конечно, в предшествующем периоде; их ал-Бустани видел, но дальнейшее развитие пошло не по тому пути, на котором он работал. Принцип автономии и полной самостоятельности показался для него неожиданным и может быть даже нереальным. [36] Как араб он не мог ему не сочувствовать, но для нового периода нужны были новые силы, а их у него уже не было. Он остался символом одного из течений предшествующей эпохи, ярким представителем поколения арабских восьмидесятников. Его своеобразная фигура говорит нам об интересной странице арабской литературы и обществен-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК

ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ

КРАЧКОВСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6